

Введение

Все исторические эпохи, все крупные события, являющиеся краеугольными камнями этих эпох, в историографических конструкциях, а также в коллективных представлениях о прошлом связываются с действующими лицами, которые становятся «лицами» этих эпох, символами знаменательных событий. Изображение Петра Великого уместно на обложке любой книги, посвященной России первой четверти XVIII века. Лицо генерала А. П. Ермолова — лик Кавказской войны. Узнаваемый портрет Кутузова сразу порождает образы Отечественной войны 1812 года, которая длилась всего полгода, но оказала колоссальное влияние на историю России. И список подобных примеров можно продолжить, причем таковой существует как в международном формате, когда символическими фигурами представлены люди ранга Наполеона или Александра Македонского, так и в формате национальных исторических мифов, когда на первые позиции выступают люди, занимающие в нем лидирующие позиции.

«История всех веков и народов едва ли представляет другой пример столь невероятных политических происшествий, какие случились в наше время, в последнюю войну с Францией. Рассматривая, с одной стороны, необыкновенное нашествие Наполеона Бонапарте, твердо положившего в уме своем разорить Россию, с другой — кротость и великодушные благословенного Монарха Севера, искупившего кровью сынов своих свободу и мир целой Европы, нельзя не сознаться, что священная брань 1812, 1813, 1814 и 1815 годов есть чудный феномен, коему, к вечной

славе Россиян, не перестанут удивляться как современники, так и отдаленнейшее потомство»¹. Эти слова из книги «Деяния Российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Франциею...», изданной в 1822 году, полностью соответствуют тональности, с которой в России вспоминали и вспоминают Отечественную войну 1812 года.

И чем выше был градус признания событий 1812 года эпохальными для России и даже всего человечества, тем величественнее становился и образ Кутузова, и пьедестал, на котором эта фигура возвышалась. Какие ошибки, и тем более, какие земные слабости можно было приписать человеку, стоявшему во главе русской армии, совершившей невероятное, победившей непобедимого Наполеона? Исключительная восторженность должна была водить рукой автора и до, и после того, как он написал следующее: «Мы видели выше исход войны 1812 года. В начертаниях этой войны Наполеон, подвигнув почти все силы Запада, мечтал унижить Россию, которая с начала своего существования ни в ком не имела нужды, никого и никогда не призывала к себе на помощь, ни для отражения нападений, делаемых на нее, ни в войнах, которые она предпринимала для упрочения своих границ. Меж тем как сама всегда была готова на призыв слабейшего, одолеваемого врагом. Кому она не помогала? Кого не спасала? Кто с самых отдаленных времен не искал с нею родственных, политических и торговых союзов? Кому не прощала она за неблагодарность, за козни, за самое предательство? В этом должна сознаться не только вся Европа, но Азия и другие части света, с которыми она могла быть в сношениях»².

В этой связи очень важным представляется объяснение А. Н. Витмера, почему он решил высказаться о романе Л. Н. Толстого:

«Смелые парадоксы IV тома „Войны и мира“ распространили в большей части нашего общества, столь доверчивого к всякого рода авторитетам, самые превратные понятия как о военном

¹ Деяния Российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Франциею, в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах, с кратким начертанием всей их службы, с самого начала вступления в оную. Ч. 1. СПб., 1822. С. I. Паг. 1-я.

² *Липранди И. П.* I. Не голод и не мороз были причиною гибели наполеоновых полчищ. II. Русские или французы зажгли Москву? III. Замечания на некоторые выражения, встречающиеся в описании Отечественной войны 1812 года. СПб., 1855. С. 163.

деле, так и об исторических событиях 1812 года. Мнения, по меньшей мере, странные, не раз слышанные автором даже от людей довольно образованных, послужили поводом к настоящим заметкам, которые и были недавно напечатаны в одном из наших специальных журналов. <...>

Наряду с отзывами, повторяем, быть может слишком благоприятными, нам делали также и упреки: в том, что, во-первых, в разборе мы не коснулись Аустерлица, Шенграбена и вообще столкновений наших с Наполеоном, предшествовавших 1812 году; во-вторых, в том, что будто мы слишком строго относимся к графу Л. Н. Толстому, что он не историк, а романист, и что, следовательно, исторической истины от него нечего было и ожидать. На первое замечание ответим, что в первых 3-х томах своего произведения (эпоха до 1812 года) автор „Войны и мира“ описывал события и проводил свои идеи как художник, в образах — цель же наша заключалась не в том, чтобы рассматривать деятельность графа Толстого-художника, а графа Толстого — философа и историка, каким он является только в IV томе...»³.

Если в отношении «философской» составляющей первых трех томов Витмер прав, то по части «исторической» автор критической статьи вольно или невольно покривил душой. Кампания 1805 года в романе Толстого представлена с не меньшим уровнем «документализма», чем события 1812 года. По нашему убеждению, ревность историков к «Войне и миру» объясняется тем, что романист вторгся в сферу, которую историки считают «своей», а самое главное, тем, что именно 1812-й год, а не любой другой год борьбы с Наполеоном Бонапартом, столь значим для российского исторического мифа.

Кутузов оказался одним из немногих дореволюционных военачальников, включенных уже в советский пантеон. Список этих полководцев был составлен по указанию самого Сталина, который при обращении к солдатам и офицерам Красной армии заявил: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»⁴ Бесспорным доказательством вы-

³ Витмер А. Н. 1812 год в «Войне и мире». По поводу исторических указаний IV тома «Войны и мира» графа Л. Н. Толстого. СПб., 1869. С. 1—2. Паг. 1-я.

⁴ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М.: Воениздат, 1948. С. 40.

сокого статуса в символической советской иерархии стало учреждение ордена Кутузова наряду с орденами Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Суворова, Ушакова и Нахимова. Герои битв с татаро-монголами и поляками в систему наград СССР по разным причинам не вписались. «Среди полководцев прошлого первое место бесспорно принадлежит гениальному Кутузову» — сказано в предисловии к пятитомному изданию документов об этом военачальнике. Далее ему найдено достойное и «методологически» правильное место в историографической схеме а-ля «Краткий курс ВКП(б)»: «Военная деятельность М. И. Кутузова протекала в последней четверти XVIII и в начале XIX вв. Развитие капитализма в России, происходившее в это время в недрах феодально-крепостнического строя, привело уже к достаточно глубоким сдвигам в экономике страны, что в свою очередь способствовало развитию военного дела. Изменение экономических условий в России в связи с особенностями исторического развития создало предпосылки для возникновения больших армий и для перехода к тактике колонн и рассыпного строя, начало которой было положено Румянцевым и Суворовым. Развитие русской военной мысли в конце XVIII и начале XIX вв. характеризуется ожесточенной борьбой реакционных кругов дворянства с прогрессивными тенденциями. Реакция в лице Павла I и Александра I видела в устарелых организационных формах и фридриховских стратегических и тактических принципах одно из средств борьбы с прогрессивными течениями в области военного дела. Выразителями новых взглядов вслед за П. А. Румянцевым и А. В. Суворовым являлись М. И. Кутузов и его ученики П. И. Багратион, А. А. Тучков, Н. Н. Раевский, Д. С. Дохтуров и другие. Новые принципы организации армии, передовые стратегические и тактические идеи встречали резкое сопротивление реакционных элементов, возглавляемых в начале XIX в. Александром I. Реакция вынуждена была уступить и пойти на восстановление передового русского опыта в деле организации и боевой подготовки войск только после серьезной неудачи в кампании 1805 г. <...> Гений Кутузова проявился в том, что он понял освободительный характер войны 1812 г. и возглавил русский народ в борьбе за независимость. Кутузову пришлось руководить армиями в более сложных исторических условиях, чем его предшественникам, и это позволило его полководческому таланту раскрыться во всей его глубине и многогранности. Он поднял русское военное искусство на новую ступень и добился огромных успехов, наибольшим

из которых был разгром армии Наполеона. Правда, здесь следует иметь в виду, что французская армия в 1812 г. была уже не армией революции, а армией Наполеона, преследовавшего захватнические, империалистические цели. Однако эта армия все же была такой грозной силой, против которой не могла устоять ни одна феодальная армия Европы». Здесь мы видим, что авторы публикации заявили о своей активной позиции в процессе формирования образа Кутузова: «После смерти великого русского полководца о нем было написано много исследований и опубликован ряд документальных сборников. Однако большая часть этой литературы страдает одним основным недостатком: в ней неизменно извращается история — умаляется роль Кутузова в борьбе с Наполеоном. Документальные сборники составлялись тенденциозно, основное их назначение было не в том, чтобы осветить выдающуюся многогранную деятельность великого русского полководца, а в том, чтобы утвердить миф о руководящей роли дворянства и дома Романовых в спасении России от наполеоновского нашествия и показать Кутузова лишь как верного исполнителя „высочайшей воли“. С другой стороны, царское правительство охотно поддерживало версию иностранных фальсификаторов истории — Клаузевица, Бернгарди, Вильсона и др., которые стремились доказать, что не Кутузов разгромил армию Наполеона, а что ее загубили большие расстояния, бездорожье, русские морозы и т. п.»⁵.

В своеобразном заочном соревновании за первое место в отечественном военном пантеоне образ Кутузова имел в советский период преимущество перед образом Суворова по целому ряду причин. Во-первых, Отечественная война 1812 года и Заграничные походы 1813–1814 гг. указывались в числе предпосылок дворянского этапа освободительной борьбы. Тем самым полководец, в реальности имевший к декабризму более чем косвенное отношение, в создававшихся схемах оказывался волевым неволей причастным к этому явлению российской истории. Суворова же со всеми его победами связать с декабристами было настолько мудрено, что это делать никто и не пытался. Во-вторых, поминать генералиссимуса в контексте «борьбы народов царской России за светлое будущее» было неловко, поскольку тут же припоминалось его участие в подавлении восстания Е. Пугачева, в польских кампаниях 1792—1794 гг. В-третьих, во вто-

⁵ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 1. М., 1950.

рой половине XX века представления о характере, ходе и значении Отечественной войны 1812 года для России и всего мира стали формироваться (деформироваться) под воздействием того, как была представлена в официальной историографии борьба сталинской России с гитлеровской Германией. Победа над Наполеоном и его союзниками — пик величия России дореволюционной. Победа над Гитлером и его союзниками — пик величия России советской. Во втором случае врага (как указывается в большинстве историографических схем) одолел народ под руководством И. В. Сталина. В таких же схемах касательно 1812 года роль руководителя марксистскими историками отводилась Кутузову. Не могли же они примерить на эту роль императора Александра II! Можно смело утверждать, что споры о величии Кутузова — это споры о величии России и Союза Советских Социалистических Республик как ее исторического наследника.

Образ Кутузова органично «вписывался» едва ли не во все базовые конструкты отечественного исторического мифа. Возьмем, к примеру, так называемый вопрос о «иноземном засилье». Трудно поспорить с тем, что выражения «немец» и «немецкий» в большинстве российских культурных контекстов имеют негативный оттенок. В исторической традиции и коллективном историческом сознании на многих мрачных страницах прошлого жирным шрифтом прописаны нерусские имена. В военной историографии и в военной публицистике важное место занимает «поиск виновных», и очень часто при этом звучит «немецкий мотив». Всякого рода протесты против остзейского влияния, служебные конфликты с начальниками — «фонами» и «баронами», с пониманием воспринимались в российском обществе. Кутузов — истинно русский человек, представитель древнего дворянского рода, неоднократно публично демонстрировавший преданность православию. При этом авторы биографических сочинений о нем не афишировали того, что он выдал свою любимую дочь за остзейца Тизенгаузена, что ближайшим его сотрудником был остзеец Толь. В «немецкий вопрос» уходят и корни живучей антитезы «Кутузов — Барклай», важной частью которой является рождение образа Барклая-де-Толли как «...посредственного и незадачливого генерала-иностранца, неспособного к самостоятельным решениям и разумным стратегическим действиям, органически чуждого национальным интересам страны»⁶.

⁶ *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 9.

Представления о мессианской роли России также способствовали повышению статуса Кутузова до фигуры планетарного масштаба, поскольку именно он начал процесс освобождения Европы (в начале XIX века фактически равнялось освобождению мира). И здесь мы опять видим фигуру этого полководца на перекрестке мнений: при отделении событий июня — декабря 1812 года от событий января 1813 — марта 1814 гг. видны заметные изменения в образе Кутузова. Традиция такого отделения была заложена фактически тогда, когда окончательный исход борьбы с Наполеоном еще не был ясен. Освободителем Европы должен был предстать император Александр. Несколько позднее эта роль главного героя оказалась в состоянии конкуренции с ролью человека, избавившего Россию от губительного нашествия двенадцати языков. Другими словами, по мере того, как война 1812 года занимала доминирующее положение в российском историческом мифе, повышался и статус главнокомандующего русской армией именно в этой военной кампании. Таким образом, полемика о правомерности отделения так называемых Заграничных походов 1813–1814 гг. от Отечественной войны 1812 года автоматически оказывается полемикой о личности Кутузова и о его роли в происходившем.

Событийная сторона истории Отечественной войны 1812 года не вызывает особых споров между историками, поскольку действия обеих сторон нашли свое отражение в огромном количестве документов официального характера и личного происхождения. Poleмика ведется вокруг трактовки, оценки событий и действующих лиц великой эпопеи. Ф. Глинка писал: «Война 1812 года неоспоримо называться может *священной* (курсив автора. — В. Л.). В ней заключаются примеры всех гражданских и всех военных добродетелей. Итак, да будет История сей войны... лучшим похвальным словом героям, наставницей полководцев, училищем народов и царей»⁷. Слова авторитетного военного писателя о том, что история Отечественной войны 1812 года — «наставница полководцев», являются особым ключом для понимания столь большого интереса к ней со стороны военных историографов. Объясняется это рядом обстоятельств. Прежде всего, в полугодовой промежуток между переходом армии Наполеона Бонапарта через Неман и ее уходом с территории России уместилось много разнотипных военных операций. Здесь и

⁷ Сын отечества. 1816. № 4. С.139–140, 161–164.

отступление с висящим на плечах противником (отход 1-й и 2-й армий), и отказ от идеи обороны с опорой на укрепленный лагерь (Дрисса), и бой при крупном городе-крепости (Смоленск), и попытки контрударов (июльские операции русской армии), и генеральное сражение небывалых ранее масштабов (Бородино), и действия на второстепенных театрах (Рига, Полоцк, Луцк), и широкомасштабная малая война с активным участием в ней населения, и стратегическое контрнаступление, сопровождавшееся серьезными боями (Малоярославец, Красный, Березина). Кроме того, специалистов в области военного искусства не мог не занимать знаменитый маневр, позволивший Кутузову оторваться от противника, отгородившись от него Москвой. Но не только это тематическое разнообразие делало кампанию 1812 года благодатным учебным материалом. Она закончилась триумфальным успехом, «за полным истреблением неприятеля». Разумеется, последнее знаменитое выражение Кутузова (есть обоснованное мнение, что это — апокриф) не было лишено доли лукавства. Как организованная военная структура была уничтожена только армия, вошедшая в пределы России летом 1812 года. К началу же следующего, 1813 года ресурсы Наполеона I превосходили ресурсы Александра I⁸. Тем не менее разгром огромной армии, армии лучшей в те времена, руководимой самым знаменитым полководцем своего времени, был бесспорным фактом. Российские военные специалисты испытывали особый душевный комфорт при изучении и преподавании истории Отечественной войны, поскольку в ней что ни страница — то бальзам для национального самолюбия. Победоносные войны со шведами — не тот масштаб, разгромы турок — не слишком показательны, ибо — не европейцы. В истории Семилетней войны — ряд темных пятен.

Военная историография занимает особое место не только в области наук исторических (или направлений исторической науки), но и в среде наук общественных. Эта особенность определяется в основном тем обстоятельством, что от военной истории и военных историков требовали и требуют неких рецептов для формирования правильных стратегических и оперативно-тактических решений. Вряд ли мы найдем такой градус апелляции к историческому прошлому в других исторических департаментах. Важным является и то, что соперничество в военной сфере —

⁸ Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. М., 1995. С. 354–355.

древнейшее в мире и отличающееся постоянством (в отличие от соревнования в научной или технической сфере). Оно-то и придает военной истории вечный и прочный оттенок борьбы вокруг результатов войн и т. д. Нигде так активно не ведется поиск виновных, как в военной истории, нигде так ревниво не охраняются имена, ставшие «священными». Это соперничество способствует болезненной актуализации военной истории, вольному и невольному искажению картины, откровенно тенденциозной трактовке сведений источников. Нельзя забывать и о том, что нет ни одной отрасли исторической науки, где бы такой вес имели люди военные, специалисты своего, изучаемого дела. Известный военный историк и теоретик Г. В. Жомини писал откровенно: «Более привлекательна история, являющаяся одновременно и военной и политической, но зато написать ее еще труднее, и, кроме того, ее трудно согласовать с требованиями, предъявляемыми к дидактическому сочинению...»⁹. А вот слова не менее известного К. Клаузевица: «Исторические примеры все делают ясным и, кроме того, представляют собой самое лучшее доказательство в науках, исходящих из опыта. Более чем где-либо это наблюдается в военном искусстве...»¹⁰. Военные специалисты второй половины XIX — начала XX вв., а также современные исследователи военной истории России неоднократно отмечали непомерно большое место, которое занимала история военного искусства в программах российских военно-учебных заведений и особенно Николаевской академии Генерального штаба¹¹.

Несмотря на постоянное и пристальное внимание российских ученых к истории Отечественной войны 1812 года, один изъян в изучении этого эпохального события виден невооруженным глазом. До сих пор собственно исторические работы безоговорочно подавляют своим числом и качеством источниковедческие штудии. Книга Л. Л. Ивченко о формировании русской версии событий на Бородинском поле 26 августа выглядит приятным исключением¹². На фоне множества статей, монографий и публикаций документов, посвященных Кутузову, особо заметно отсутствие профессионального, критического внимания к материалам, на

⁹ Жомини Г. Очерки военного искусства. Т. 1. М., 1939. С. 25.

¹⁰ Клаузевиц К. О войне. М., 1938. Т. 1. С. 176.

¹¹ Steinberg J. W. All the Tsars Men. Russias General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington, 2010.

¹² Ивченко Л. Л. Бородинское сражение. История русской версии событий. М., 2009.

основании которых создавались эти труды. «Во все времена встречалось лишь небольшое число людей, способных точно наблюдать боевые явления; между показаниями очевидцев постоянно наблюдаются крупные противоречия; а тот ворох документов, который оставляет война, отражает по преимуществу намерения начальников...» Хотя профессор Николаевской академии Генерального штаба А. Свечин писал эти строки после Русско-японской войны 1904–1905 гг., они вполне применимы и к другим периодам¹³.

Критическое отношение к официальным документам, к воспоминаниям и вообще всем материалам об Отечественной войне 1812 года затруднялось не только тем, что уже в первые годы после ее окончания все участники и события стали приобретать «оттенок бронзы». Если полемика между ветеранами допускалась как «спор богов», то попытки лиц, не участвовавших в изгнании Наполеона, подвергнуть сомнению свидетельства участников не встречали понимания в обществе. Здесь уместно привести слова одного из мемуаристов Русско-японской войны 1904—1905 гг.: «Армия побеждающая не нуждается ни в каких корреспондентах для освещения обстановки, объяснения таких или иных своих действий; общество не судит победителей и вполне удовлетворяется фактом победы...»¹⁴. Должно было пройти какое-то время, должны были измениться приемы историописания, чтобы читатель с пониманием воспринимал то, что сказал в начале XX века К. А. Военский: «...Воспоминания лиц, от которых нередко зависел исход событий, и подавно мало достойны доверия, так как часто представляют лишь средства для оправдания собственных ошибок перед потомством. Вот почему особенно ценны записки второстепенных и третьестепенных участников войны, не боявшихся в качестве простых исполнителей написать бесхитростную правду»¹⁵.

Представление об истории как о некоем монументе, который должен иметь стройность и законченный вид, отражают слова И. П. Липранди: «Какая же другая кампания нашего времени имеет более необходимости быть очищенной критикой, как не

¹³ Свечин А. Тактические уроки Русско-японской войны. СПб., 1912. С. VI. Паг. 1-я.

¹⁴ Дружинин Н. Воспоминания о Русско-японской войне 1904—1905 гг. участника добровольца. СПб., 1912. С. 374-378.

¹⁵ Военский К. А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. СПб., 1912. С. 87.

кампания 1812 года, в особенности для нас? Какая другая более изобилует историками и с таким множеством резких противоречий? Не требует ли всё согласования, пояснений, коллегиального рассмотрения и определения различных эпизодов этой борьбы гигантов, как выразился Наполеон?» Очень важно, что указанные «противоречия» рассматриваются ветераном войны и одновременно ее историком как национальная слабость, которую используют агрессивные зарубежные творцы исторического знания: «Прошло полвека, а у нас никто еще достойным образом не поднял перчатки, бросаемой нам иноземцами. Вскоре остальные участники в этой войне исчезнут, а хвастливые фразы неприятелей наших усвоят в Истории всю силу. В продолжение тридцати лет я не раз печатно излагал это свое мнение»¹⁶.

Есть основания подвергнуть анализу взаимосвязь историографических схем и сюжетов презентации Отечественной войны 1812 года на театральных подмостках. Формированию традиционной схемы Отечественной войны 1812 года во многом способствовала ее «драматизация», представление о ней как о грандиозной героической трагедии, представление — как театральное представление, спектакль. Действие первое — наступление французов и отход русской армии. Два героя (два брата — Барклай и Багратион) не могут сдержать натиск противника. Должен появиться третий герой (третий брат — Кутузов), и он является на сцену! Добавляет драматизма то обстоятельство, что до выступления в главной роли он был в незаслуженной опале, но в трудную для родины минуту забыл все обиды. В сказках именно третий брат обычно оказывается обделенным, причем обделенным чем-то приземленным, чтобы быть вознагражденным чем-то особенным. Завершается действие «предантрактной» и запоминающейся фразой М. И. Кутузова: «Что ж! И с такими молодцами все отступать и отступать?!» Второе действие — сугубо батальное и посвящено почти полностью Бородинскому сражению. Заканчивается оно опять же запоминающейся фразой Кутузова на знаменитом совете в Филях: «Мне платить за перебитые горшки. Приказываю отступать!» При опускании занавеса — на заднем плане — сполохи московского пожара. Наконец, третье действие разворачивается в декорациях, изображающих заснежен-

¹⁶ *Липранди И. П.* Пятидесятилетие Бородинской битвы, или Кому и в какой степени принадлежит честь этого дня? М., 1867. С. XXVII. Стр. 1-я.

ные окрестности Старой Смоленской дороги, по которым бежит из России гибнущая французская армия. Перед опусканием занавеса звучат опять же слова Кутузова — «Из известного рапорта». Драматизация создавала эффект очевидца. Зрительные образы, передаваемые с помощью театральных постановок и лубка, закреплялись в сознании. Еще большую роль должна была играть трансформация текстов о войне в зрительные образы. Можно говорить, что с помощью различных носителей информации складывалась некая картина, создавалось виртуальное кино, которое при всех частных разночтениях имело общий вид, один усредненный сюжет.

Драматизация войны проявилась в сужении круга действующих лиц, поскольку невозможно представить пьесу с большим числом персонажей (зритель будет упускать сюжет из виду). Перед нами несколько героев: Александр I, Кутузов, Багратион, Барклай-де-Толли, Беннигсен, Платов, Уваров, Раевский, Давыдов, Милорадович, Неверовский, Кульнев, Василиса Кожина. Все они имеют свое амплуа. Например, Беннигсен явно выступает в роли «злодея». Платов олицетворяет казачество и народное начало войны.

В каталоге выставки 1812 года в предисловии к описанию зала 1813, 1814 и 1815 гг. В. Петров откровенно передал «драматизацию» событий той эпохи: «Когда декабрем 1812 года закончился один акт поразительной драмы и занавес опустился над обильной жатвой смерти на снежных полях России, то при следующем подъеме занавеса сцена быстро изменилась и Европа, которая в первом акте шла с Наполеоном против России, предстала перед нами в разгар восстания против всемирного владычества Наполеона, в разгар приготовлений к освобождению»¹⁷. В России первой половины XIX столетия для придания какому-либо явлению или событию особой значимости использовались символы античности. М. С. Воронцов во время своего пребывания на посту Новороссийского генерал-губернатора, чтобы увековечить память о своем отце — Семене Романовиче Воронцове — (и придать дополнительный вес своему могучему клану) решил установить памятник в честь победы русской армии при Кагуле. По его замыслу величественный обелиск должен был обозначить предел завоеваний России подобно тому, как Александр Македонский

¹⁷ Выставка Отечественная война 1812 года. Каталог. Ч. 2. С. 1. Паг. 2-я.

установил в Кандагаре каменный столп на восточной границе своей империи¹⁸. А. В. Суворов на памятнике в Санкт-Петербурге выглядит римским воином. В античные доспехи облачен и генерал-фельдмаршал В. М. Долгоруков-Крымский на монументе, возведенном в его честь в Симферополе в 1842 году. Античные традиции прославления военных успехов проявились в архитектурном облике Дворцовой площади. Военная арматура являлась украшением здания штаба войск гвардии, композиционным центром огромного задания Главного штаба стала арка, увенчанная триумфальной колесницей. Александровская колонна была репликой на колонну Траяна и Вандомскую колонну. Война с Наполеоном в сознании образованных россиян ассоциировалась с подвигами героев Древней Греции и Рима. Д. Давыдов в «Дневнике партизанских действий» писал: «Хвала Провидению и за то, что оно, благословив усилия наши, видимо, содействовало нам в изгнании из недр России новейших Ксерксовых полчищ, предводительствуемых величайшим полководцем всех времен»¹⁹. А. С. Норов отметил в своих воспоминаниях: «С теми же чувствами, как Неемия, после плена Вавилонского, объезжал вокруг обрушенных стен Иерусалима, мы обзрели обрушенные стены Кремля. Наполеон хотел бы всю местность ненавистной ему Москвы, сделавшеюся гробницей его славы, вспахать и посыпать солью, как сделал Адриан с Иерусалимом, и изгладить ее имя с лица земли, но Иерусалим остался святыней мира, а обновленная новым блеском Москва осталась святыней России»²⁰.

В восприятии прошлого образованных людей XVIII — начала XX столетия античность играла особую роль, поскольку в программе среднего образования история Древней Греции и Рима занимала видное место, на полках домашних библиотек стояли книги Плутарха, Гомера, Аристотеля, Марка Аврелия, Плиния и других античных авторов. Обязательные курсы греческого и латыни предполагали чтение текстов на языке оригинала. Античные сюжеты вдохновляли живописцев и скульпторов. В изящной словесности и даже в обиходе крылатые фразы греческого и римского происхождения, метафоры и другие литературные приемы из времен Цезаря и Александра Македонского

¹⁸ См.: Памятник Румянцеву. Одесса, 1849.

¹⁹ Давыдов Д. Дневник партизанских действий // Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. С. 165.

²⁰ Из воспоминаний А. С. Норова // Там же. С. 209.

имели широкое применение. Это была «настоящая» история, значимость и величие которой никем не ставились под сомнение. В сочетании со столь же твердой уверенностью в том, что *historia — magistra vitae*, обращение к античным образам, постоянная поверка современных событий мерками, заданными героями легендарного прошлого, стало основой установления прочной традиции «примерять» участникам Наполеоновских войн доспехи времен войн Пунических. Одно из проявлений — разного рода античные мотивы в оформлении памятников 1812 года. Надгробие на могиле кутузовского начальника штаба К. Ф. Толя в имении Аррокюль Эстляндской губернии представляло собой массивный каменный постамент, на котором лежала древнеримская каска-шлем. Герцен писал: «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моей колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей»²¹. Поскольку меркой для воспитанных на классике были события и герои Греции и Рима, журналисты писали: «Для нас русских 26 августа то же, что для древних были Фермопилы»²². Таким образом, античные образцы в формировании образов великих людей оказали большое влияние и на то, каким представал перед потомками фельдмаршал Кутузов.

Изображение фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского неотделимо от картины Отечественной войны 1812 года, складывающейся в историографии и коллективном историческом сознании. Поэтому все дискуссионные проблемы войны неизбежно затрагивают и личность знаменитого полководца.

Одной из «обязательных» тем работ о «великой године» является вопрос об отношении царя Александра к Кутузову. В большинстве случаев речь идет о дележе славы, о вкладе в победу над Наполеоном. Под этим разумеется не соперничество этих двух людей, а то, как пишущий люд распределял и распределяет исторические заслуги. В большинстве случаев в текстах происходит смешение личных и деловых отношений. Александр I не любил людей «осмнадцатого века», к числу которых принадлежал Кутузов. «Екатерининские орлы» были не очень понятны и уже потому неприятны молодому императору, страдавшему из-

²¹ Былое и думы // Собр соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 22.

²² Глинка С. Торжество народного духа // Земщина. 1912. 26 августа. № 108.

лишней подозрительностью. Этот император был в большей степени европеец, чем его бабушка, родившаяся в Германии. Византийские ноты в словах и поведении, характерные для людей, выросших в нравах XVIII столетия, вызывали у него раздражение. Глубокой и незаживающей раной в отношениях Александра I и Кутузова оставалась память об Аустерлице. При этом император не мог не признавать способностей Кутузова как государственного деятеля, полководца и дипломата, не мог не считаться с общественным мнением. Почему-то мало внимания уделяется тому, что в 1812 году, несмотря на весь трагизм ситуации, Кутузов отправлял царю только оптимистичные рапорты. Конечно, ему было выгодно представлять происходящее (когда он уже принял командование) в самом выгодном свете, но представим, какие истерические ноты прозвучали бы в донесениях других известных военачальников после такого сражения, как Бородинское, после такого события, как оставление Москвы! А ведь и то и другое неизбежно бы произошло, будь во главе русской армии тогда любой другой генерал. Прав оказался К. Клаузевиц, писавший, что М. И. Кутузов «...знал русских и умел с ними обращаться. С неслыханной дерзостью смотрел он на себя как на победителя, возвещал повсюду близкую гибель неприятельской армии, до самого конца делал вид, что собирается для защиты Москвы дать второе сражение, и изливался в безмерной похвальбе... Ограниченный Барклай, не способный проникнуть в самую глубь обстановки столь гигантского масштаба, был бы подавлен моральными возможностями французской победы, в то время как легкомысленный Кутузов противопоставил им дерзкое чело и целый поток хвастливых речей»²³.

Тот факт, что император не испытывал особо теплых чувств к Кутузову удивительным образом сочетается с фактами особой августейшей доверительности. По крайней мере, в последнем были убеждены многие современники. Об этом мы можем судить по «Запискам» А. П. Ермолова: «...узнал я, что, отправляя Кутузова из Петербурга к армиям, государь отдал ему подлинные мои к нему письма...»²⁴. А. А. Щербинин сообщает, что «...вскоре после Тарутинского сражения Кутузов получил от Государя письмо, которое послано было Беннигсеном Его Величеству»²⁵.

²³ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 70–71.

²⁴ Ермолов А. П. Записки. 1798–1826. М., 1991. С. 215.

²⁵ Щербинин А. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках, воспоминаниях современников. Вильна, 1903. Вып. 2. С. 43.

А. И. Михайловский-Данилевский, очень хорошо знавший внутреннюю кухню высших эшелонов власти, свидетельствует, что такие случаи не являлись единичными: «Фельдмаршал до такой степени пользовался доверенностью государя, что император посылал к нему обратно письма, партикулярно от различных генералов из армии к особе е. в. писанные»²⁶. Император неоднократно публично демонстрировал свое поклонение главнокомандующему. В дневнике офицера Семеновского полка П. С. Пущина мы читаем: «Когда его величество возвращался после парада домой (29 января 1813 г. — *Ред.*), окруженный почти всеми офицерами, и появился старый фельдмаршал, то у всех внезапно, начиная с самого государя, вырвалось могучее «ура!». Это была замечательная минута всеобщего энтузиазма, искренне, без подготовки»²⁷.

О прочности убеждения в том, что генерал-фельдмаршал являлся человеком высших моральных качеств, свидетельствуют соответствующие положения Воинского устава 1721 года, составленного при непосредственном участии Петра Великого и на многие десятилетия ставшего основой нормативных документов армии: «Его чин такой, чтобы был не точию муж великого искусства и храбрости, но и доброго кондуита (сиречь всякой годности), которого бы квалитеты (или качества) с добродеением и благочестивой справедливостью связаны были... Добрые его кондуиты возбуждают послушание и умножают сильно авторитет или власть его с учтивостью, которую отдавать ему все должны». Вместе с царским повелением руководить вооруженными силами генерал-аншефу делегировались и права «отца»: «Добродетель его и справедливость привлекают к себе все сердца всея армии, как офицеров, так и рядовых. Зане ему принадлежит жалобы их и доношения добровольно слушать; добрые их дела похвалять и за оные воздавать, за худые же усердием наказывать, чтобы он всякому возлюблен и страшен был». Это особенно ясно видно в предостережении генерала от лишнего послабления, «понеже ничто так людей к злу не приводит, как слабая команда, которой пример суть дети в воле без наказания и страха возвращенные, которые обыкновенно в беды впадают, но случается после, что и родителям пагубу приносят».

²⁶ Михайловский-Данилевский А. И. Записки. 1812 год // Исторический вестник. 1890. Т. 42. Октябрь. С. 159.

²⁷ Пущин П. С. Дневник. (1812–1814). Л., 1987. С. 86.

Противоречивость в представлениях о личных качествах такой фигуры, как Кутузов, объясняется множеством факторов. Занимая столь видное место в отечественном пантеоне, он не мог не становиться объектом поклонения, следствием чего была идеализация, изображение его с помощью приемов, характерных для житий святых. Кутузов был культовой фигурой и для многих военных, по праву и без права считавших себя сопричастными к воинскому подвигу «великой години». У них также были все основания идеализировать своего вождя. Но эта «житийная» традиция наталкивалась на традицию реализма, которая немыслима без фиксации и эстетизации человеческих слабостей. Люди, часто общавшиеся с Кутузовым, единодушно свидетельствуют: он был вспыльчив и груб. А. И. Михайловский-Данилевский, отмечая, что лично на него фельдмаршал рассердился всего однажды, тем не менее отметил «вспыльчивость его характера»²⁸. О грубости и нетерпимости Кутузова неоднократно писал английский генерал Р. Вильсон²⁹. Он так распек полковника свиты по квартирмейстерской части Федора Яковлевича Эйхена, что последний подал в отставку. От гнева главнокомандующего не сумел оградить своего брата даже П. А. Кайсаров, которого Кутузов очень любил. Проштрафившегося директора походной типографии А. С. Кайсарова просто выгнали из главной квартиры³⁰. А. Ф. Ланжерон, хорошо знавший и откровенно не любивший М. И. Кутузова, отмечал «его жестокость, грубость, когда он горячился или имел дело с людьми, которых нечего бояться»³¹. Но здесь мемуарист не совсем справедлив. Кутузов позволял себе грубить и тем людям, которые могли ему «повредить», — Л. Л. Беннигсену, М. И. Платову.

Разноголосицу как в свидетельствах современников о личных качествах Кутузова, так и в интерпретации этих свидетельств современниками можно объяснить различными обстоятельствами. Во-первых, тем, что на одну доску ставятся слова видевших

²⁸ Михайловский-Данилевский А. И. Записки. 1812 год. С. 158.

²⁹ Вильсон Р. Т. Личный дневник 1812 года // Звезда. 1995. № 7. С. 136; Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 374.

³⁰ Березкина С. В. А. С. Кайсаров и В. А. Жуковский в военной типографии при штабе Кутузова (по неопубликованным воспоминаниям Н. А. Старынкевича) // Русская литература. 1986. № 1. С. 139, 140, 146.

³¹ Ланжерон А. Ф. Записки // Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 327.

главнокомандующего эпизодически, в каких-то «нехарактерных» ситуациях, и тех, кто видел его систематически, работал с ним бок о бок. Следует помнить о высказывании: настоящий русский человек — душа за столом обеденным и зверь за столом письменным. Во-вторых, Кутузов жил «на стыке эпох». Складывался он как личность в веке восемнадцатом, а вот образ его формировали люди, принадлежавшие уже к следующему столетию. Здесь-то и начинается сложная игра в «представления о представлениях»: мемуаристы 1820–1830-х и более поздних годов писали о знаковых фигурах, зачастую исходя из своих мнений о том, что было хорошо и что плохо во времена, жизненных реалий которых они сами не знали и не чувствовали, поскольку существовали в иной социокультурной обстановке. Мемуарные источники во многих случаях конкурируют и нередко даже противостоят так называемым официальным документам и в тех случаях, когда их авторы являются ровесниками. В тех же случаях, когда авторы канцелярских текстов и текстов «от души» значительно расходятся в возрасте, противоречивость их письменных трудов еще более возрастает.

Для того, чтобы достичь высокого положения в обществе, занять важный пост в государственном управлении в век Екатерины II, кроме таких достоинств, как ум, деловитость, талант администратора или полководца (а нередко и без таковых), необходимо было обладать набором качеств, проявляемых на дворцовом паркете. Требовалось умение льстить вышестоящим, бестрепетно и даже с видимым удовольствием сносить их оскорбления и унижения. Приветствовались равным образом всякого рода демонстрации власти (обаятельное российское самодурство) по отношению к подчиненным, причем даже «тиранство» должно было иметь налет патернализма. Также украшали вельможу, иногда с трудом изъяснявшегося по-русски, разного рода эпизодические демонстрации обожания «всего русского». В век, когда письменный язык был труден для изложения мыслей, особую ценность имело краснбайство. Большим успехом пользовались люди, умевшие говорить приятности дамам. И дело здесь не только в создании психологического комфорта. Бабушки, матери, жены, дочери, невестки, племянницы, тетушки, внучки, любовницы часто играли не последнюю роль в интригах, выполняли роль трансляторов информации. Многих грозных чиновников можно уподобить крепости (штурмовать опасно и тяжело), имеющей есть потайной ход, через который можно проникнуть в

твердыню. Редкий генерал боится врага, но редкий выдерживает натиск жены или тещи, или любимой племянницы, а тому, кто не уступал «коалиции родственников», впору отливать памятник. Так что Кутузов, рассыпая комплименты, вовсе не сорил словами, а заседал ими благодатную ниву общественного и, разумеется, благожелательного мнения.

Одежда и манера ее носить немало говорят о личности человека. Как известно, в течение кампании 1812 года Кутузов только дважды надевал парадный мундир: в сентябре, когда принимал наполеоновского посланника Лористона, и в декабре, когда встречал Александра I, приехавшего в Вильно. В остальное время он носил простой сюртук, фуражку и мягкие сапоги. В литературе нередко подразумевается и даже прямо указывается, что это — свидетельство скромности Кутузова. Разумеется, это была дань комфорту, которым фельдмаршал очень дорожил. Но это нельзя считать обычной простотой: скромный вид главнокомандующего выделял его из окружающей свиты так же, как Наполеона в его сюртуке и Сталина в его френче — без золоченых шнуrow и кантов.

Для века Екатерины злоупотребление служебным положением (казнокрадство разного вида) являлось делом вполне извинительным; наоборот, бескорыстие представлялось отличительной чертой и едва ли не чудачеством. Поэтому разного рода намеки, что в период командования на Дунае наш герой допускал шалости с казенными суммами, бросают тень на него только в том случае, если свет будет падать не из века осьмнадцатого, а из времен, когда принимались иные этические стандарты. В том же веке, в котором формировалось поведение будущего фельдмаршала, по меньшей мере извинительными считались неприкрытые любовные связи. «Выгодный» для человека или его клана роман жены и дочери с «нужным» человеком приветствовался, поскольку способствовал карьере и упрочению статуса. Посягательства на честь жен и дочерей лиц зависимых также не считалось бог весть каким грехом, поскольку являлись демонстрацией доминирующего положения. Даже содержание чего-то похожего на гарем не сильно роняло его обладателя в глазах окружающих. Поэтому существование любовниц, от общества коих Кутузов не отказывался даже во «фронтовых» условиях, может быть поставлено ему в укор, если вывести за скобки год его рождения и социокультурные условия эпохи, продуктом которой он являлся. При этом нет, по нашему мнению, надобности

в использовании конфузливой выразительности «раздвоенности» при характеристике личности Кутузова. Разумеется, мемуаристам, историкам (и читателям), имеющим иные моральные устои (абсолютный бесребреник, всегда корректный в словах и поступках, верный муж, искренний, чуждый лести, корысти и тщеславия, не приемлющий лжи и так далее по списку добродетелей), очень хотелось представлять человека, спасшего Россию и одолевшего Наполеона, неким идеалом человечества. Кутузов был таким, каким он был. А пресловутая двойственность его личности — продукт несоответствия «идеальных» ожиданий и неопровержимых фактов. Разногласия в оценках личности Кутузова, повторяем, во многом определялись тем, что о нем оставляли свидетельства люди, принадлежавшие к разным культурным типам.

При оценке карьеры М. И. Кутузова следует учитывать, что люди, дослужившиеся до генеральских чинов, были знакомы либо с самим императором, либо с лицом, входившим в его ближайшее окружение. Это означало: персону 4-го класса и выше может воспользоваться самым надежным ресурсом: монаршим доверием. История свидетельствует: завоевавший такое доверие получал в руки нечто, приравненное к волшебной палочке и заговоренному щиту. Ему дозволялось очень многое, недоступное прочим смертным. Но в этом исключительном положении таилась и большая опасность: утрата царского доверия означала жизненную катастрофу. Тогда не спасали никакие доказательства невиновности, ни раскаяние, ни заступничество влиятельных людей — все перечисленное могло только смягчить царский гнев. Верным признаком августейшего доверия являлись разного рода поручения.

А что еще требовалось, чтобы дослужиться до заветного генеральского чина? Родовитость, придворно-штабная ловкость были важными условиями достижения возжеланных генеральских чинов, но военные и административные таланты также позволяли «худородным» подниматься на самую вершину служебной лестницы. «Стартовая позиция» А. Д. Меншикова никак не могла сравниться с той, которую занимал столбовой боярин Б. П. Шереметев, но Петр Великий обоим дал чин генерал-фельдмаршала. На гербе генерала от инфантерии графа Н. И. Евдокимова была изображена борона, указывавшая на то, что этот человек приобрел титул и высший чин, хотя родился в семье крестьянина. Простым солдатом начал службу И. Н. Скобелев — дед

знаменитого героя Шипки и Плевны М. Д. Скобелева. В семье унтеров-сверхсрочников родился генерал М. В. Алексеев — начальник штаба верховного главнокомандующего во время Первой мировой войны. В русской армии были десятки генералов, у которых нижними чинами служили деды, а отцы получили уже обер-офицерские погоны. Самый известный пример — командующий Белой армией на юге России А. И. Деникин.

Одним из важных условий достижения генеральского чина было пребывание в должности адъютанта. Секрет благотворного влияния этого поста на карьеру обозначен в § 361 документа, принятого в 1812 году и определявшего служебные обязанности всех лиц, служащих в сухопутных войсках («Учреждение для управления большой действующей армией»): «Предполагается, что в армии старших адъютантов все знают лично...» Это требование «технологично». До того времени, когда фотография позволила достаточно определенно устанавливать личность человека, офицер, приносящий жизненно важный приказ, мог доказать, что он — не вражеский лазутчик и не самозванец, только будучи узанным в лицо. У «общего» для всей армии знакомого по определению оказывалось больше шансов на получение награды в виде ордена или следующего чина. Кроме того, именно адъютанты приносили известие о победах, которые ассоциировались впоследствии с этими людьми. А это — еще один повод для награждения. Сложилась даже традиция поощрения тех, кто сообщал радостную новость императору или главнокомандующему. Так, генерал П. Д. Цицианов подумывал в 1804 году отправить в Петербург молодого тогда М. С. Воронцова с известием о взятии персидской крепости Гянджа, будучи уверенным в том, что царская радость по этому поводу обернется орденом для члена могущественного придворного клана Воронцовых. Ошибается тот, кто представляет адъютанта всего лишь ловким молодым человеком, вовремя подающим заточенный карандашик генералу, задумавшемуся над картой. Карандашики тоже были, но были и скачки с пакетами-приказами в любую погоду, в темноте, с опасностью свернуть шею или попасть в руки вражеских разъездов. Совсем не паркетная ловкость требовалась для того, чтобы в суматохе боя, в пороховом дыму и пыли разыскать нужную часть, передать ее командиру распоряжение командующего и помочь выйти на указанную позицию. Если посмотреть послужные списки генералов всех национальностей, то бросится в глаза частота упоминаний о пребывании их на должностях адъютантов.

Сложным является вопрос о влиянии образования на военную карьеру, в нашем случае — на повышение шансов стать генералом. В XVIII — начале XIX века специальные военно-учебные заведения окончила незначительная часть военачальников. Во-первых, кадетских корпусов было мало, а во-вторых, очень сильна была традиция приобретать ратные навыки «в строю», поступая в полки юнкерами на правах дворянства. Только начиная со второй половины XIX века для получения офицерского чина следовало сдавать специальный экзамен за курс военного училища. Сами по себе занятия по тактике и прочим ратным премудростям, предусмотренным программами, не гарантировали успехов в битвах. История знает массу примеров того, как высокообразованные люди (Н. Н. Муравьев, И. В. Гудович, А. Н. Куропаткин) «конфузились» на поле боя, а командиры, не читавшие Тацита в подлиннике (или даже совсем ничего не читавшие), были настоящей грозой для противника. Сложно оценить также основательность и широту знаний, получаемых в домашней обстановке или в кадетском корпусе. Одни в барских усадьбах воспитывались знающими гувернерами и в возрасте 14 лет, как будущий генерал П. Д. Цицианов, переводили с французского философские трактаты и наставления по фортификации. Другие учились у сельских священников письму, чтению и азам арифметики. Выпускники военно-учебных заведений также сильно различались по своей подготовке, так что сам факт получения специального образования не являлся чем-то определявшим успех или неуспех. Гораздо большую роль играла возможность получить помощь со стороны родственников, сослуживцев родителей, земляков, соплеменников и других людей, входивших в круг «не чужих». В случае с Кутузовым, по нашему мнению, главное значение для его успешной карьеры имели не знания, полученные во время обучения в Инженерном корпусе, а те связи, которые он приобрел.

Самое большее значение для карьерного прыжка имел Его Величество Случай — тайное божество всех военных. Его явление имело разные формы — похвальное слово от сильных мира сего, фантастический успех на ратном поприще, благоприятное расположение звезд в момент размышлений главнокомандующего (или самого монарха!) о награждении особо отличившихся. А. В. Суворов в одном из своих приказов в 1794 году предписал «...сражаться решительно, как князь Цицианов». Такая похвала дорогого стоила и не следует удивляться, что малоизвестный

тогда генерал-майор (будущий главнокомандующий на Кавказе в 1802–1806 гг.) сразу стал известным всей армии. Так же точно судьбоносными оказались слова Суворова после штурма Измаила («Кутузов был на моем левом фланге, но был моей правой рукой»), вне зависимости от того, сказаны они были на самом деле или вымышлены. Но Его Величество Случай, поднимавший людей порой и незаслуженно на гребень славы, не был слеп. Протекция протекцией, но для уверенного карьерного роста военному человеку следовало проявить себя в сражениях, в руководстве войсками. Самой ужасной в послужном списке могла быть запись «Не имел случая отличиться». Между прочим, такая была в послужном списке П. С. Нахимова в 1822 году — за пять лет до Наваринского сражения и за тридцать один год до сражения Синопского. Только те, кому судьба «сдавала сразу несколько козырей» — влиятельные родственники, боевая удача, исключительные умственные и воинские способности, — стремительно взлетали по служебной лестнице. Остальным, прежде чем достичь генеральского чина, приходилось немалое число лет прослужить в обер- и штаб-офицерских чинах, помыкаться по захолустным гарнизонам, пожить на скудное жалованье, помучиться с бестолковыми, ленивыми, вороватыми и пьющими солдатами, коих хватало в каждом полку во все времена.

Представление о человеке и о его эпохе (что очень трудно разделить) создаются на основании различных источников — бумаг, созданных в канцеляриях различных ведомств, мемуаров и писем современников. Укорененный в россиянах пиетет к государству и традиция историописания наделяют так называемые официальные документы неким дополнительным градусом объективности, тогда как к источникам личного происхождения постоянно лепится подозрение (и даже обвинение) в субъективности. Но «военно-отчетные» бумаги — от рапортов командиров отдельных частей до реляций военачальников высших уровней — должны восприниматься с должной долей критичности по целому ряду причин. Во-первых, неопровержимой является крылатая фраза о том, что первой жертвой на каждой войне является правда. Во-вторых, даже при стремлении как можно правдивее описать происходящее автор реляции не в состоянии был это сделать из-за сложности самой батальной картины. Сам рапорт — сочинение особого жанра, имеющего свои законы, приемы отражения и искажения действительности, свой язык и внутреннюю

структуру. Даже беглое сопоставление официальных докладов о боях с воспоминаниями и дневниками участников этих сражений показывает, что генеральское перо очень даже не безгрешно. Многие рапорты содержат противоречия, видимые невооруженному глазу. Характерным искажением является завышение численности противника и его потерь.

Мемуаристы часто побеждали чиновников тем, что имели перед последними огромное преимущество во времени. Рапорт составлялся вскоре после события, порой даже когда оно еще не завершилось, у пишущего не было времени и возможности проверить донесения, лежащие в основе документа. Неизвестными оставались последствия события, их место в общей картине, реакция общества и начальства и т. д. Пишущий же воспоминания был обогащен ретроспекцией, он знал, что было «потом», и, очень важно, он знал, что об этом знали другие. При этом официальные документы очень часто сближались с мемуарами уже потому, что писались не одновременно с событиями, а значительное время после произошедшего. Сражение под Аустерлицем произошло 20 ноября 1805 года, а рапорты Кутузова о нем датированы 15 января и 1 марта 1806 года! Сколько разных «влияний» испытал за это время главнокомандующий, сколько изменений внес он в эти документы под их воздействием! И воспоминания, и официальные документы представляют собой не только некий резервуар сведений, которые историки черпают для написания своих трудов, но и памятники своей эпохи. Человек всегда пишет о себе и своем времени, и прошлое он оценивает с позиций критичного потомка. В официальном документе эти невольные откровения крайне редко пробиваются сквозь толщу канцеляризма, которая сама — памятник.

Мемуары представляют особую ценность как исторический источник, поскольку отражают события иначе, чем это делается в официальной документации. Иногда эти различия настолько велики, что создается впечатление, что речь идет о разных событиях и людях. Невозможно утверждать, что в воспоминаниях больше правды, чем в официальных рапортах или, наоборот, что субъективность мемуариста автоматически ставит его на вторые роли после составителя отчета. Авторы всех текстов связаны в своем творчестве законами своего жанра, они излагают собственную точку зрения на происходящее согласно уровню своей компетенции, литературным способностям, политическим взглядам, личным пристрастиям и т. д. И в личном дневнике, и в донесе-

нии императору человек писал так, как он мог и хотел, а не так, как это все было на самом деле. Любой официальный документ имеет более или менее установленную форму и не менее стандартизованную лексику, в которой заметное место занимают обороты речи, принятые для обозначения того или иного явления. В эти обороты втискивали подчас очень разные реалии, и лишь незначительные нюансы, видимые только тренированному глазу, нередко понятные только современнику или человеку, знакомому с контекстом, несли основную информацию о произошедшем событии. Словарь мемуариста по определению неизмеримо богаче словаря чиновника, ему дозволяется выплескивать с помощью чернил свои эмоции, фантазировать, морализировать и философствовать. Читатель слышит живую человеческую речь и поневоле проникается доверием к автору воспоминаний, тем более что авторитет последнего покоится на прочном фундаменте статуса очевидца или даже участника событий. Особо подкупают различные колоритные подробности, словесные портреты действующих лиц, невозможные в источниках других видов. Российский читатель, воспитанный в боязни собственного недоверия к официальной информации и одновременно это же недоверие лелеющий как неоспоримый признак ума, всегда склонялся к версии, предложенной мемуаристом. При этом как-то упускается из виду, что немало авторов воспоминаний являлись одновременно и составителями официальных бумаг, а их произведения, такие разные по жанру, не спорят между собой только потому, что лежат в разных архивных папках.

Поскольку личность М. И. Кутузова неразрывно связана с эпохой, а его фигура — олицетворение Отечественной войны 1812 года, естественным является включение в антологию большого числа документов, характеризующих его как личность, как государственного деятеля, как полководца. При всем уважении ратных заслуг Кутузова в войнах XVIII столетия он стал всероссийской знаменитостью в 1805 году, причем в обстоятельствах, которые могли бы поставить крест на его дальнейшей карьере. Его известность связывалась тогда с самым крупным поражением русской армии имперского периода. А до того времени он состоял во внушительном списке генералов, отличившихся на поле брани. В текстах патетического характера иногда говорится о принадлежности к «славной плеяде», но при этом забывается, что в поэтическое собрание под таким именем входит по мень-

шей мере семь персон. Если же ассоциативно имя человека связывается со звездами, то космических объектов Плеяды в созвездии Тельца невооруженным глазом видно четырнадцать, а всего их более трех тысяч. Этим экскурсом в астрономию мы хотим сказать, что звезда Кутузова безусловно была видна на небосклоне российской государственности конца XVIII — начала XIX века, но чтобы отыскать ее среди других звезд той же и даже большей величины, требовалось приложить некоторые усилия. Здесь Кутузов совсем не одинок. Петр Иванович Багратион, герой Русско-турецких войн, Итальянского и Швейцарского походов и великой эпопеи 1812 года, известен всем. Однако тот период его жизни, когда он еще не стал в ряд известных соратников великого Суворова, документирован крайне скупо. Тогда ведь никто не знал, что могила этого пылкого грузина станет местом поклонения всей России на Бородинском поле — на поле ее величайшей воинской славы, и каждое сведение о нем станет драгоценным.

Поэтому первый раздел публикации посвящен тому периоду, когда будущий «спаситель Отечества» еще только восходил на военный и административный Олимп. Далее следует комплекс материалов, относящихся к кампании 1805 года. Третий раздел — руководство войсками во время Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Основные материалы, разумеется, относятся к Отечественной войне 1812 года и представлены в хронологическом порядке: назначение главнокомандующим и Бородино; оставление Москвы; марш-маневр, Тарутино, организация партизанских отрядов, сражение под Малоярославцем; «параллельный марш», бой под Красным, Березина. В особые разделы выделены материалы под заголовками «Личные качества Кутузова» и «Кутузов в памяти нации».

В. В. Лапин